

История для президента

Задача написания если не единого, то хотя бы единообразного, учебника по истории страны для России не нова. Решение этой задачи не удавалось, например, еще царским историкам, по поводу чего А. С. Пушкин, не без иронии, шутил: «У нас есть три Истории России: одна для гостиной, другая для гостиницы, третья для гостиного двора». Шутка поэта отражала реальную ситуацию, сложившуюся в результате издания в те годы заметно отличавшихся друг от друга «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, «Истории российской» С. Н. Глинки и «Истории русского народа» Н. А. Полевого. Отличие этих трех «историй» между собой отчасти было обусловлено различием уже в самом предмете изучения, ибо за словами «российское государство», «российская история» и «русский народ» стоят понятия с разным объемом и содержанием.

Сегодня российской общественности и ответственным за образование и воспитание подрастающего поколения лицам уже не до шуток, так как в стране изданы десятки различных учебников по отечественной истории, которыми пользуются миллионы школьников. По некоторым подсчетам, только для 10-го класса в стране таких учебников более 60, многие из которых, различаясь трактовками и оценками одних и тех же событий или персонажей, являются, по сути, субъективистскими версиями истории России. Все это говорит лишь о том, что «объективная истина», являющаяся целью научного познания, отечественным историкам сегодня, как и во времена Пушкина, неведома.

Проблема субъективистского характера авторского «плюрализма» в понимании и толковании отечественной истории обсуждалась на первом и втором Всероссийских съездах учителей истории и обществознания (Москва, 2011 и 2012 годы), где настойчиво звучало требование написания единого учебника по истории России. Но историки-ученые, включая представителей академической науки, руководствуясь одним профессиональным долгом, без команды сверху не спешили навести

МУХАЧЕВ Вадим Владимирович — главный научный сотрудник Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН, профессор, доктор философских наук.

Ключевые слова: история России, марксизм, идеализм, методологический кризис обществознания, «бегство от материализма», идеология, «советский социализм», реставрация капитализма, пост-советская Россия.

здесь порядок, что в общем-то понятно: писать историю человеческих отношений объективно, без оглядки на власть, всегда трудно. Особенно это трудно на переломных этапах исторического развития, когда в сознании многих еще живы старые догмы, а отрицающие их новые мифы лишь запутывают и удлинняют дорогу к истине.

В конце концов дело дошло до того, что в «историю» написания отечественной истории вынужден был вмешаться Президент РФ В. В. Путин. Поставив в феврале 2013 года задачу выработки единой концепции истории России, он сделал тем самым соответствующий «госзаказ», организаторами выполнения которого были назначены Минобрнауки (Д. Ливанов) и возглавляемое доктором исторических наук В. Мединским Минкультуры. К делу было подключено Российское историческое общество (РИО) во главе со спикером Госдумы С. Нарышкиным. Сама же работа по выполнению президентского госзаказа была возложена на специально созданную «рабочую группу» во главе с директором Института всеобщей истории РАН А. Чубарьяном.

Поставив задачу создания единой концепции истории России, призванной заменить разброд и шатания в мыслях как самих историков — от академиков до учителей, так и их учеников, президент заявил о необходимости включения в нее официальной оценки исторических событий. Сказать иначе президент не мог, хотя «официальные оценки» и истина, как всем хорошо известно, из собственной истории в том числе, зачастую друг с другом расходятся. Министр культуры дополнительно разъяснил суть «официальной» точки зрения: новые учебники по истории должны воспитывать в учениках патриотизм и прививать им «социально приемлемые взгляды»¹.

С «госзаказами» президента страны не шутят, и уже после своего летнего обсуждения в октябре 2013 года была опубликована и представлена В. В. Путину единая концепция истории России, включающая в себя «историко-культурный стандарт». В последующем было намечено провести конкурс среди претендентов на подготовку новых, соответствующих «историко-культурному стандарту» учебников и приступить к их написанию. Окончание работы над госзаказом президента запланировали на конец 2014-го — начало 2015 года. Когда появятся первые новые учебники, госзаказ президента, видимо, будет считаться выполненным. Но станет ли это решением поставленной В. В. Путиным задачи изложить историю объективно, без субъективных оценок и выводов? Скорее нет, чем да. И вот почему.

* * *

Во время обсуждения проектов единой концепции истории страны и «историко-культурного стандарта» было высказано немало разных предложений и пожеланий. Но, как ни странно, ни те, кто был назначен ответственными за выполнение президентского госзаказа, ни те, кто откликнулся на предложенный проект единой концепции российской истории, ни сами его разработчики не ставили и не обсуждали всерьез

¹ См. <http://politikus.ru/events/4926-edinyy-uchebnik-istorii-zamenyat-edinyim-standartom-prepodavaniya.html>

вопроса о том, что писаная история, для того чтобы быть «объективной» и излагать жизнь людей такой, какой она была и есть на самом деле, без утайки и прикрас, должна быть, прежде всего, научной.

Правда, в «Пояснительной записке» к единой концепции ее авторы заверили заинтересованную общественность в том, что разработанный ими историко-культурный стандарт представляет собой «научную основу» как школьного исторического образования, так и углубленного уровня изучения истории и гуманитарных дисциплин. Но никаких веских аргументов в пользу декларации о научности результатов своей работы авторы единой концепции и «историко-культурного стандарта» не привели. И тому есть свои причины, о которых у нас не принято говорить вслух.

Любая «концепция» есть некое теоретическое представление, зависящее от развития и состояния обществознания, которое включает сегодня целый ряд дисциплин (экономическая наука, социология, политология, правоведение и пр.). Но не всякая теория носит научный характер. Современная историческая наука, как и все обществознание в целом, в концептуальном, теоретическом отношении до сих пор не дотягивает до того, чтобы быть настоящей, способной производить точное знание наукой.

На словах все и всегда выступают за объективное изложение истории — но почему-то почти каждый раз дело заканчивается произвольными интерпретациями «объективного», на деле означающими победу субъективных точек зрения, личных симпатий или антипатий над объективной истиной. Причина этого в том, что обществознание в целом сегодня, как и 100, 200 или 500 лет назад, пользуется ненаучной — по отношению к марксизму донаучной — теорией познания, страдающей или идеализмом, или метафизической, ограничивающейся знанием частного, односторонностью, или тем и другим одновременно.

За приведенной выше шуткой Пушкина о «трех историях» одной страны, кроме всего прочего, скрывалась проблема метода познания истории людей, господства той ненаучной гносеологии, какой пользовались авторы существовавших тогда учебников. История общественной мысли убедительно демонстрирует, как в отсутствие научного метода познания изложение истории жизни людей оборачивалось лишь горой неупорядоченных и искусственно (совсем не диалектически) связанных друг с другом эмпирических фактов.

От этого всегда, оказываясь перед «Монбланом» не поддающихся систематизации эмпирических фактов, страдали историки разных стран, включая Россию. Об этом писал В. О. Ключевский, в 1884 году прочитавший спецкурс «Методология русской истории», первый раздел которого был озаглавлен: «Отсутствие метода в нашей истории». Поясняя свой тезис, Ключевский честно признавал: «Нашу русскую историческую литературу нельзя обвинять в недостатке трудолюбия — она многое отработала; но я не возведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его отработала»².

² Ключевский В. О. Методология русской истории // Он же. Сочинения : в 9 т. М.: Мысль, 1987—1990. Т. 6. С. 5.

Вся история рационального познания мира (религия как иррациональное отношение людей к миру не в счет) от Платона и Аристотеля через Бэкона и Декарта, вплоть до Канта, Гегеля и Фейербаха, была, прежде всего, поиском «правильной», достигающей объективной истины, теории познания. Этот поиск, в котором на протяжении двух тысячелетий участвовали крупнейшие умы наиболее развитых народов, в конце концов завершился созданием Марксом и Энгельсом в середине 1840-х годов общенаучного метода познания в виде диалектического материализма, органически включившего в себя открытое ими и многократно с успехом к объяснению различных процессов и событий общественной жизни примененное материалистическое понимание истории. Но с тех пор никем, по существу, не опровергнутый, этот метод ныне мало кем используется.

Многовековая задача научной обработки накопленных ранее и заново получаемых знаний была решена Марксом и Энгельсом в масштабе всемирной истории гносеологически. Но в конкретных реалиях, измеряемых онтологическим масштабом новой и новейшей истории второй половины XIX — начала XXI века и имеющих прямое отношение к капиталистическому способу производства, их великое научное достижение «не пришлось ко двору» буржуазного общества.

Казалось бы, материалистическое понимание истории опирается на самоочевидные истины. Так, признавая, что общество есть многоуровневая и многосторонняя система отношений между людьми, оно в качестве системообразующего элемента выделяет в ней производство материальных благ, имеющее всеобщее значение. Дело в том, что оно обеспечивает удовлетворение жизненно важных потребностей и, следовательно, само физико-биологическое существование всех членов общества — от раба и крестьянина до монарха, патриарха или президента — в пище, одежде, жилье и пр.

Констатируя тот факт, что основным элементом (базисом) всего общественного развития, его фундаментом является решающий задачу производства материальных благ «способ производства», который (в конечном счете!) определяет политическое и духовное бытие индивидов и их социально-экономических групп (классов), материалистическое понимание истории соответственно этому факту утверждает, что научное объяснение истории людей предполагает познание экономических законов изучаемого общества. В отличие от духовной жизни людей, где немалую роль играют эмоции и иные психические процессы, вплоть до бессознательного, знание экономики, которая по своему содержанию является обменом человека с природой, может быть точным, аналогичным естественнонаучному и математически вычисляемым.

Иными словами, Марксом и Энгельсом было доказано, что наука об обществе как разновидность особой формы познания, обращенной к истории человечества, может существовать лишь на основе диалектико-материалистического отражения экономической реальности, без чего отдельные обществоведческие дисциплины (социология, политология, правоведение и пр.) в их теоретической части повисают в воздухе и обречены на догматические спекуляции. Но именно такое отражение

объективной реальности наталкивается в реальной жизни на объективные трудности, основными из которых являются: а) наличие в быденном и теоретическом сознании огромного (объем его существенно преобладает над данными науки) массива ненаучного, используемого порой с помощью государства существующей властью знания и б) официальная наука, организуемая в виде целого социального института и так или иначе контролируемая той же «властью—государством».

Все гносеологически противостоящее науке знание Маркс и Энгельс рассматривали как идеологию, или «превратное» и «иллюзорное» знание. К ней, вслед за религией и моралью, они относили (что замалчивается и никак не обсуждается в исследовательской литературе) философию, а также политику, право и... само государство (!). Будучи «одной из сторон истории» (Маркс), идеология объективно стоит на пути научного познания истории людей, что каждый раз требует от представителей науки ее критического преодоления³.

Преобладание ненаучного знания над научным легко объяснимо. Во-первых, наука возникла значительно позже всех прочих форм познания; во-вторых, такие формы идеологии, как мораль и религия играют не только и не столько познавательную, сколько адаптивную роль в жизни современных людей, что попросту эксплуатируется церковью и государством в собственных интересах; и в-третьих, основные формы превратного (иллюзорного) сознания с помощью государства, которое Энгельс считал «главной идеологической силой»⁴, используются власть предержащими в качестве духовных скрепов для склеивания постоянно трескающегося под напором социально-экономического неравенства социума как внутренне противоречивого сообщества определенного множества реальных (живых) индивидов.

О существовании ненаучных представлений, их противостоянии научному поиску и необходимости борьбы с ними на заре современной науки, обретшей себя как особой формы познания только в Новое время, хорошо знал один из ее основателей — Ф. Бэкон. Задумав грандиозный план «Великого восстановления наук» после столетий господства средневековой схоластики, он выдвинул и развил тезис о препятствующих научному познанию ложных идеях, которые именовались им «призраками» и «идолами». Спустя более четырех столетий после Бэкона современная наука сталкивается с той же самой проблемой, о чем в наши дни пишет в своей книге известный физик, математик, профессор Оксфордского университета Р. Пенроуз⁵.

Объективное противостояние ненаучного (идеологического) знания науке зачастую принимает субъективную форму, когда, например, пред-

³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 20—21, 29, 30, 32, 41 и др.

⁴ См. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 21. С. 311.

⁵ См. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о познании. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.

ставители церкви или официальной, государственной властью исповедуемой идеологии осознанно выступают против устанавливаемых наукой фактов и ее аргументов. Поэтому отношение науки и идеологии — это всегда борьба идей, за которой стоит противоположность материализма идеализму и диалектики метафизике.

Причина того, что самоочевидные истины марксистской гносеологии большинством исследователей современного общества либо игнорируются вообще, либо всячески ими обходятся, имеет, конечно, свое, вполне материалистическое объяснение. Формула «бытие определяет сознание» дополняется в нем положением Маркса о том, что в обществе, атрибутом которого является социальное неравенство, «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»⁶. С точки зрения науки вопрос здесь заключается лишь в том, что кто-то готов бездумно, или осознанно и небескорыстно, следовать господствующим мыслям, а кто-то готов всячески противостоят им.

Господство мыслей господствующего класса в общественном сознании обеспечивается, прежде всего, государством как особым органом управления «делами общества», находящимся в руках все того же господствующего класса. Организуя с помощью государственной машины и казны процесс познания и образование, буржуазия с самого начала подчинила развитие того и другого собственным интересам. По поводу состояния академической науки во Франции и Италии в XVII—XVIII веках критично высказывался еще наблюдательный Сен-Симон. В Германии с этим сталкивались Кант, а также Гегель, который писал: «...у нас, в отличие от греков, ...философия имеет публичное, касающееся публики существование, находясь преимущественно или исключительно на службе у государства»⁷.

Разумеется, что с этим уже в начале своего жизненного пути пришлось столкнуться Марксу и Энгельсу, которые никогда не вступали в какие-либо трудовые отношения с официальной наукой и не состояли на службе ни у одного государства. Уже в «Святом семействе» (1844), выступив вместе с К. Марксом против Б. Бауэра и его единомышленников, теоретизировавших в рамках официальной науки, Ф. Энгельс отмечал, что «наука как источник дохода и свободная наука, свобода преподавания и факультетские статуты противоречат друг другу»⁸.

В последующем оба они не раз разъясняли, что, пока буржуазия боролась против разваливавшегося феодального строя, ее теоретические представители, нередко заблуждаясь в отношении природы капиталистического способа производства, были свободны и смелы в поиске объективной истины. Но, после того как буржуазия завоевала себе господствующее положение в обществе и утратила революционную роль, ее официальные теоретики, университетские профессора и прочие, пре-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. С. 59.

⁷ Цит. по: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 332.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. С. 103.

вратились в откровенных апологетов существующего строя и той власти, которая обеспечивала им возможность заниматься за чужой счет интеллектуальным трудом, а также политики этой власти и, соответственно, государства как казначея, ожидающих от этих литераторов за получаемые ими деньги соответствующего «товара».

Классовая ограниченность теоретиков буржуазии в период ее революционного подъема проявлялась у них в теории познания в основном в виде игнорирования диалектической идеи развития, признающей преходящий характер всего сущего, включая капиталистический способ производства, в их иллюзиях о «вечности» законов капитализма. Но после того как буржуазия сама оказалась в роли свергнутой ею феодальной аристократии, ее теоретики отказ своих предшественников от диалектики дополнили собственным «бегством» от материализма как мировоззренческой основы научного познания. Политэкономия капитализма со временем превратилась у них в оторванный от действительности и потому абстрактный «экономикс».

Отказ от служения истине давно стал нормой официальной науки буржуазного общества, что признается не только его противниками, но и честными, искренне преданными своему профессиональному долгу либеральными теоретиками. Сошлемся на откровенные слова крупного нидерландского либерального историка XX века Й. Хейзинги, который в 1939 году с горечью писал: «Самое досадное — это заметная повсюду *indifference a la verite* (безразличие к истине), достигающая своей кульминации в открытом публичном восхвалении политического обмана»⁹.

* * *

К началу XXI века ситуация с обществознанием в этом отношении лучше ничуть не стала. По-прежнему фундаментальные мировоззренческие принципы научного познания, каковыми являются материализм и диалектика, открыто, а чаще — молчаливо игнорируются многочисленными исследователями, аналитиками или экспертами. Если кто-то думает и уверяет, что все это не про нас, не про нашу официальную науку, то он — или большой невежда, или лицемер.

Даже в советское время наше теоретическое обществознание под названием «марксизм-ленинизм», начиная с так называемой политэкономии социализма, носило в основном псевдонаучный характер. Материалистическое понимание истории, признаемся, не пришлось ко двору и советского общества, официально жившего под знаменем учения Маркса и Энгельса, а на практике следовавшего догмам псевдомарксистского «марксизма-ленинизма».

После 1917 года с проблемой «обработки материала», о которой писал Ключевский, постоянно сталкивалось советское обществознание, которое, декларируя верность материализму Маркса, но испытывая идеологическое давление власти, оказалось неспособным последовательно провести материалистическую точку зрения и показать советскую действительность такой, какой она была.

⁹ Хейзинга Й. *Homo Ludens*. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. С. 353.

А все началось с плохого знания марксистской теории всеобщей истории, ее диалектического характера некоторыми вышедшими во внутрипартийной борьбе на ведущие роли руководителями страны. С непонимания ими того, что социализм, идущий на смену ставшему всемирной общественно-экономической формацией капитализму, не может быть по отношению к своему предшественнику частным явлением, и что поэтому «социалистическое общество» не может быть построено «в одной, отдельно взятой стране», усилиями одного народа.

Первым тезис о такой возможности сформулировал и выдвинул Н. Бухарин, чьи теоретические взгляды, по признанию Ленина, сделанному им в конце 1922 года, «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским», поскольку тот «никогда не понимал вполне диалектики»¹⁰. Поддержанная Сталиным, а вслед за ним и большинством ЦК, точка зрения Бухарина, превратившись в генеральную линию партии, задавала логику этапов «строительства социализма» в СССР: построение «основ социалистического общества» (XVII съезд ВКП(б), 1934 год); построение «социализма в основном» (XVIII съезд ВКП(б), 1939 год); построение «социализма полностью и окончательно» (XXI съезд КПСС, 1959 год); «переход к развернутому строительству коммунизма» и построению «основ коммунистического общества за 20 лет» (XXII съезд КПСС, 1961 год).

Но сама жизнь, практика восставали против этой пропитанной идеализмом и метафизикой, оторванной от объективной реальности «логики» и соответствующих ей догм «марксизма-ленинизма». То, что являлось субъективизмом в теории и волюнтаризмом в политике руководства партии и страны уже с середины 1920-х годов, в 1964-м было приписано одному Н. Хрущеву за его желание и обреченную на неудачу попытку построить основы коммунистического общества за 20 лет.

Между прочим, срок в 20 лет был определен Хрущевым и его окружением отнюдь не случайно. По этому поводу из уст обществоведов, включая историков, до сих пор вместо рационального объяснения этого факта раздаются достойные обиденной журналистики насмешки. Но задача историка и других исследователей общества не в том, чтобы проявить себя на поприще сатиры и юмора, а в том, чтобы всякому, в том числе нерациональному, поступку и волюнтаристскому решению любого политика дать точное, рациональное объяснение.

Если внимательно прочесть стенограмму XVIII съезда ВКП(б), то все становится на свои места. Именно тогда, в 1939 году, подводя итог пройденному пути и принятому съездом решению о построении в СССР социализма «в основном», В. Молотов, который как председатель СНК выступал с отчетным докладом, а также ряд других участников съезда говорили: «...нам хватило 20 лет, чтобы построить социализм. Еще 20 лет — и мы построим коммунизм». На одном из заседаний съезда, где в очередной раз прозвучала эта фраза, председательствовал Н. Хрущев, в памяти которого не могли не отложиться и сохраниться эти деклара-

¹⁰ Ленин В. И. Письмо к съезду // Он же. Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 345.

ции участников XVIII съезда ВКП(б). Когда в соответствии с «логикой» ВКП(б) — КПСС пришло время «строить коммунизм», срок в 20 лет для его «строителей» уже был задан.

После смещения Хрущева новое политическое руководство страны в заданной когда-то утопической логике вынужденно сделало шаг назад, и в 1971 году, на XXIV съезде КПСС, по-прежнему оставаясь на позициях субъективизма и волюнтаризма, оно в своих прожектах и планах «строительства социализма и коммунизма» оказалось скромнее своего предшественника. Тогдашнее состояние советского общества было определено как период «развитого социализма», при котором «строители социализма и коммунизма» прожили еще 15 лет, вплоть до горбачевской «перестройки», в результате которой оторванная от реальной жизни логика построения социализма «в одной, отдельно взятой стране» потерпела окончательное фиаско.

Стоять в советское время на материалистической точке зрения было крайне трудно, почти невозможно, уже потому, что «политэкономия социализма», многократно повторяя тезис об общественной собственности на средства производства, понятия не имела о том, как между отдельными слоями и группами населения партийно-государственная бюрократия распределяет произведенный в стране общественный продукт труда и, соответственно, кто и как им пользуется.

Основой экономической науки всегда была и остается добротная статистика, на что обращал внимание еще автор «Капитала». Однако советская статистика, тщательно оберегая от глаз беспартийных и рядовых коммунистов привилегированное положение партийной и хозяйственной бюрократии в стране, попросту не предоставляла для теоретической обработки нужного материала. В перестроечное время этому вопросу была посвящена заслуживающая считаться классикой отечественной экономической науки статья экономистов В. Селюнина и Г. Ханина «Лукавая цифра»¹¹.

Поскольку в отсутствие полной и ясной статистической картины реальная экономика СССР не могла быть научно осмыслена, постольку теоретическая «политэкономия социализма», находившая себе выражение в академических журналах, монографиях и учебниках, сводилась к набору малосодержательных догм и абстракций, возвещавших о существовании двух форм общественной (социалистической) собственности и ее превосходстве перед капиталистической. О «негативе» в реальной экономике и других областях общественной жизни как «наверху», так и «внизу», умалчивалось или говорилось весьма скупно. Поэтому о том, что среди населения страны, в том числе рабочего класса, не только в системе общественного питания, но на заводах и стройках, пустило корни и разрасталось племя «несунов», чаще узнавали от соседей, чем из официальных источников.

Провозглашенная в середине 1980-х годов М. Горбачевым «эпоха гласности» привнесла в жизнь советских людей разноцветный плюрализм

¹¹ См. Новый мир. 1987. № 2.

политических взглядов и столь же безответственную, сколь и безграничную, свободу слова, которые стали проявлением «демократии толпы», когда каждый, не очень заботясь о приобретении необходимых знаний и собственной компетенции, не предъявляя в пользу своего мнения достаточно серьезных аргументов, вслух может говорить что угодно и о чем угодно. Последний генсек отчасти сам был олицетворением подобной «свободы слова».

Но у «демократии толпы», известной еще древним грекам под именем «охлократия», век короткий. Получив от нее и за ее счет высший государственный пост, президент Ельцин и его единомышленники осенью 1993 года расстреляли остатки того, что называлось «Советской властью», инициировали введение буржуазной конституции и тем самым официально открыли дорогу реставрации капитализма в России.

Отныне свобода слова, а вместе с тем легкомыслие и словоблудие стали конституционным правом каждого. Правда, с одним изъятием. На все разговоры об эксплуатации наемного труда капиталом, классовой борьбе эксплуатируемых и эксплуататоров или исторической необходимости смены капитализма обществом социального равенства было наложено либерально-демократическое табу. Говорить об этом «наверху» стало почти невозможно, а «внизу» — неприлично. В зависимой от государственного финансирования и потому идеологически податливой среде ученых-обществоведов, которые ранее, во времена СССР, под руководством дирижеров из партноменклатуры, наперебой соревновались в дифирамбах Марксу, Энгельсу и Ленину, воцарилась мода на критику марксизма.

При этом если ранее взгляды великих вождей международного пролетариата XIX — начала XX века воспринимались и усваивались у нас большинством исследователей общества превратно через идеологические «очки» псевдомарксистского «марксизма-ленинизма», то в постсоветской России лишь единицы из армии обществоведов попытались увидеть и провести то полное противоречий, принципиальное различие, которое сложилось между учением создателей марксизма и его догматической интерпретацией советскими «марксистами-ленинцами», обосновывавшими историю СССР как практику строительства социалистического общества.

Остальные предпочли побыстрее забыть о теоретическом наследии Маркса, Энгельса и Ленина, которое в самой его сути они так и не постигли. И примкнули к доморощенным идеологам капитализма, по-ученому доказывая всем и самим себе преимущества рыночной экономики перед плановой, демократии — перед тоталитаризмом и авторитаризмом и, конечно, частной собственности — перед общественной.

Более того. Отвернувшись от марксизма и присягнувшие официальной либеральной науке, ставшей источником их собственного существования, эти теоретики выбросили за борт своей исследовательской деятельности не только учение Маркса и Энгельса о классовой борьбе или эксплуататорской сущности капиталистического способа производства, но и саму суть марксизма, его метод познания, а вместе с ним и всю

историю поиска истинной гносеологии крупнейшими умами человечества на протяжении двух с лишним тысячелетий. В работах отечественных экономистов, социологов, политологов и правоведов сегодня либо вообще отсутствует гносеологическая проблематика, либо обсуждение вопросов теории познания обходится без обращения к марксизму, без постановки того, что Энгельс называл «основным вопросом философии», и тем более — материалистического ответа на него.

В работах отечественных экономистов, социологов, политологов и правоведов сегодня либо вообще отсутствует гносеологическая проблематика, либо обсуждение вопросов теории познания обходится без обращения к марксизму, без постановки того, что Энгельс называл «основным вопросом философии», и тем более — материалистического ответа на него.

В постсоветской России легковесная критика марксизма дошла до того, что некоторые очень ученые, обремененные научными степенями люди всерьез стали призывать к отказу от материализма и диалектики как фундаментальных принципов научного познания. Ситуацией в общественном сознании, его идеологизацией и внутренней связью с идеалистическим мировоззрением поспешила воспользоваться Русская православная церковь, которая в 2007 году потребовала, чтобы в перечень научных (!) специальностей ВАК внесли теологию. Тогда в защиту материализма как необходимого для существования науки мировоззрения и методологического принципа выступили 10 академиков РАН, которые в условиях торжествующего легкомысленного плюрализма мнений и безответственного словоблудия обратились с письмом к Президенту РФ В. В. Путину.

Со стороны академиков это был жест отчаяния, направленный, конечно, не по адресу: президент — гарант Конституции, а значит — «все-го и всех», не только материалистов, но и идеалистов. К тому же в Конституции РФ про материализм ничего не сказано; и Путин, естественно, академикам не ответил. Но в истории с «письмом 10 академиков» показательно другое — среди его подписантов были исключительно представители естествознания. А ученые-обществоведы отметились «письмом других академиков», где поддержали инициативу РПЦ и тем самым еще раз публично открестились от материализма.

К этому остается добавить, что Уставы РАН, включая последнюю редакцию, о материализме и диалектике как общенаучных методологи-

ческих принципах ничего не говорят. Представителей естествознания здесь спасает их естественная, обусловленная самим объектом познания тяга к материализму — то, что Энгельс называл «стихийным материализмом». Что же до теоретиков от обществознания, чей объект познания включает в себя огромный мир идеологии — как традиционной, так и заново производимой, то они чаще всего пасуют перед идеализмом и от имени науки изобретают идеологизированную псевдонауку.

В экономической науке, которая должна быть фундаментом научного объяснения социальных и политических процессов в обществе, у нас сохраняются разброд и шатания. Наряду с попытками возрождения политэкономии, процветают либеральные «экономикс» и институциональная экономика, где экономические явления рассматриваются сами по себе, в отрыве от производственных отношений между трудом и капиталом и противоречий между собственниками предприятий и наемными работниками. Мало кто из отечественных экономистов реагирует на признания западных авторитетов в этой области знания, которые уже лет 40 пишут о кризисе экономической науки, ее оторванности от реальной экономики. Наоборот, под флагом плюрализма мнений у нас на экономическом факультете МГУ учат «философии хозяйства». Именно так называется одна из кафедр и издаваемый ею журнал. И происходит это тогда, когда даже сами авторы современных учебников по философии вынуждены признавать, что философия — не наука.

В постсоветской России, где существуют «коммерческая тайна» и вместе с тем «теневая» экономика и невиданная для СССР коррупция, дело с экономической статистикой обстоит столь плачевно, что это вынудило уже упомянутого Г. Ханина в соавторстве с Д. Фоминым выступить год назад со статьей «Лукавая цифра против экономики России»¹². Ждать же при отсутствии добротной статистики верных, теоретически точных, а не иллюзорных, представлений об экономике и, соответственно, социальных и политических процессах, повторим, не приходится.

Российские историки постсоветского времени, как и их предшественники, пишут историю таким же образом, каким она писалась до открытия Марксом материалистического понимания истории, требующего «историю человечества всегда изучать и разрабатывать в связи с историей промышленности и обмена»¹³. Они пишут ее не материалистически, а идеалистически. Игнорируя прозу жизни, идеалистический взгляд на бытие людей задает ограниченный масштаб изучения прошлого и настоящего. Вот почему до сих пор актуальны слова Маркса о таком способе писания истории: «Эта концепция могла видеть в истории поэтому только громкие политические деяния и религиозную, вообще теоретическую, борьбу, и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи она вынуждена была разделять иллюзии этой эпохи»¹⁴.

¹² См. Ведомости. 18.03.2014.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 53.

Большинство учебников по новой и новейшей истории излагают далекое или близкое прошлое прежде всего в виде политической деятельности, деяний императоров, президентов, государственной власти вообще и тех, кто борется с политикой этой власти и отвечает на нее войнами, бунтами или революциями. Экономические же причины, порождающие вместе с социальным (между индивидами, их группами, классами и целыми народами) неравенством определенную «государственную политику», остаются за бортом этих учебников.

Вот в такой для науки об обществе сложной мировоззренческой и социальной ситуации перед российскими историками в рамках официальной науки была поставлена задача подготовки единой концепции отечественной истории. По большому счету решение такой задачи требовало от ее исполнителей осознанного разрыва со всякой идеологией, официальной в том числе, и самоутверждения на методологических принципах диалектического материализма. Материалистического понимания истории — в первую очередь.

Однако разработчики концепции не предприняли попытки уйти от господствующей в официальном общественном сознании идеалистической и метафизической методологии, чтобы встать на материалистическую точку зрения, в силу чего их концепция и «историко-культурный стандарт», которые они предложили считать «навигатором» для написания новых учебников, по-прежнему идеологизированы. Созданные ими по заказу президента теоретические продукты отнюдь не освобождают дорогу к научной истине от завалов превратного сознания, не ведут к единому взгляду на историю, а наоборот — становятся новым барьером на этом пути.

О теоретических воззрениях авторов концепции можно судить по «Пояснительной записке» к «историко-культурному стандарту». Она разбита на несколько небольших тематических разделов, где содержатся рассуждения о «многоуровневом представлении об истории», ее «многоаспектном и многофакторном характере», о «человеке в истории», об «историко-культурологическом подходе» и пр.

Открывается «записка», как это принято, изложением «Основных положений», среди которых выделяются те, где разработчики концепции присягают не целям и задачам научного познания, не истине, а — «царю и отечеству». Услышав и учтя пожелания власти о наличии «социально приемлемых взглядов», исполнители госзаказа определили свою цель как «формирование общественно согласованной позиции», предусматривающей «сохранение плюрализма оценок и суждений в рамках исторических исследований», а подготовленную ими новую «концепцию-стандарт» охарактеризовали как «общественный договор», предлагающий «взвешенные точки зрения на дискуссионные вопросы».

Между тем любой «плюрализм суждений» в науке оправдан, если он способствует продвижению к объективной истине, а концептуальное единство в понимании и объяснении исторического процесса возможно только на определенной, как доказывает вся история науки, материалистической методологической базе исследований, которая не может

быть получена путем «общественного договора», а является результатом постоянной борьбы двух противоположных мировоззрений — материализма и идеализма. Истина и консенсус — совершенно разные явления, принадлежащие различным видам человеческой деятельности и существующие независимо друг от друга.

Послав «наверх» знак о своей готовности к выполнению госзаказа таким, каким он видится существующей власти, авторы новой концепции изучения российской истории в старой традиции советского обществоведения дополнительно заверили своего работодателя и заказчика в собственной лояльности и благонадежности: «Основу разработки концепции составляют положения действующей Конституции Российской Федерации... Наряду с Конституцией, в основу разработки новой концепции положены также Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ и Поручения Президента РФ Правительству и другим органам государственной власти и управления...»

Ну, а где же *наука*? Где поиск объективной, не зависящей ни от власти, ни тем более казенных профессоров, истины? Где материалистическое понимание истории, обеспечивающее этот поиск? В новой концепции отечественной истории, конечно, присутствует экономическая сторона жизни людей, но в сравнении с политикой крайне скуп, отрывочно и главное — в виде побочного, а не системообразующего фактора, что, как и во времена СССР, связано с отсутствием объективной политэкономической картины новейшей истории России. Ими нигде не говорится о материалистическом понимании истории и первенстве экономики над другими сторонами жизни людей, зато утверждается, что «производство духовных и культурных ценностей — не менее важная задача, чем другие виды человеческой деятельности».

Авторы концепции-стандарта сетуют, что «препятствием для совершенствования образовательного процесса служит сохраняющееся доминирование в программах и учебниках политической истории». Но предложенная ими концепция-стандарт сама по большей части является точно таким же «препятствием», а именно — историей российской политики. Названия большинства разделов дооктябрьской истории России в «новой концепции истории» говорят о «правлении» царей и императоров: «От Древней Руси к Российскому государству», «Россия в XVI—XVII веках: от великого княжества к царству», «Россия в конце XVII—XVIII веках: от царства к империи», «Российская империя в XIX — начале XX вв.». Большинство понятий и терминов, которые предлагаются для изучения истории, также относятся к политике, а не экономике.

Это происходит именно потому, что в «новой» концепции отечественной истории отсутствует отражающая диалектику развития самой социальной действительности материалистическая логика, где в конечном счете определяющую роль играет признание производства материальных благ и связанных с ним экономических интересов людей как основы и потому системообразующего фактора всего исторического развития. В ней, как и прежде, повсюду просматривается идеалистическая, гуляющая по полям истории без опоры на системообразующий фактор

и фокусирующая свое внимание на политических и духовных процессах логика «чистого мышления» (Маркс), которая представляет действительный исторический процесс превратно.

Поскольку, в отличие от всякого «общественного договора», наука как процесс изучения объективной реальности предполагает наличие вполне определенной, хотя и не всегда декларируемой, методологии познания, постольку, как бы ни пытались авторы концепции уйти от «основного вопроса философии» и тем самым как бы подняться над ним, они все равно обязаны были что-то сказать на тему методологии собственного творения. Получилось занятно.

Сначала ими было заявлено: «Методологической основой концепции является определение базовых принципов ее разработки». Затем весь процесс определения этих «базовых принципов» свелся к перечислению неких постулатов, которые по большому счету не имеют никакого отношения к процессу познания, а относятся к работе учителя и являются принципами обучения, преподавания. К «базовым принципам» и одновременно «методологической основе» единой концепции отечественной истории исполнителями президентского госзаказа были отнесены:

- базовые ценности гражданского общества — социальная солидарность, безопасность, свобода и ответственность;
- исторический подход — как основа формирования межпредметных связей, прежде всего, с учебными предметами социально-гуманитарного цикла;
- формирование требований к каждой ступени непрерывного исторического образования на протяжении всей жизни;
- многофакторный подход к освещению истории всех сторон жизни российского государства и общества;
- толерантность как необходимое условие взаимодействия государств и народов в новейшей истории;
- воспитательный потенциал исторического образования, его исключительная роль в формировании российской гражданской идентичности и патриотизма.

Что это как не набор дидактических требований к работе учителя? Вся методология познания у авторов концепции сведена здесь к методике преподавания, а гносеология заменена дидактикой. Таким путем авторам концепции удалось, обозначив наличие методологической проблематики, обойтись без ее обсуждения по существу. Впрочем, и сформулированные методические требования к преподавателю истории небезупречны. Чего стоит только такой принцип, где «социальная солидарность, безопасность, свобода и ответственность» названы «базовыми ценностями гражданского общества»?

И чего стоит такая «методология»?

Если брать так называемое гражданское общество, являющееся продуктом буржуазного развития, в том числе борьбы буржуазии против сословного деления общества за свои политические права, то приписанные ему «ценности» во многом как были идеалами и лозунгами

Французской революции конца XVIII века, так до сих пор в большинстве буржуазных стран ими и остаются. А идея «социальной солидарности», или, что почти одно и то же, «социального мира», возникла в умах буржуазии и ее теоретиков уже в ходе классовой борьбы пролетариата за социальное равенство.

Ничуть не лучше дело обстоит с другим предлагаемым авторами концепции принципом преподавания, согласно которому толерантность есть «необходимое условие взаимодействия государств и народов в новейшей истории». Как, спрашивается, руководствуясь таким «базовым принципом», должны объясняться ученикам приведший к госперевороту на Украине Евромайдан в Киеве или начавшийся после этого протест населения Крыма и Новороссии против националистической, русофобски настроенной и служащей геополитическим интересам США и их европейских союзников нынешней государственной власти в этой стране? Если следовать этому принципу, то ополченцев Луганска и Донбасса, вслед за сегодняшними киевскими политиками и их западными покровителями, следует считать террористами.

Оба эти принципа, сформулированные авторами концепции как «методологические», иллюзорны и потому отдают фальшью и псевдонаучностью. Противоречивая социальная действительность со всеми ее экономическими и политическими кризисами и конфликтами, остается «за бортом» сочиненной ими дидактики, хотя именно эта действительность, составляя «ядро» человеческого бытия, реально, а не словесно, воспитывает и развивает людей и, в зависимости от различий индивидуального бытия, делает это каждый раз по-своему, а всех нас — разными.

Отказавшись сознательно встать на точку зрения материализма и, следовательно, принять общие, многими исследователями давно усвоенные положения марксовой теории общественного развития, авторы концепции лишили себя возможности решить ими же самими сформулированную задачу — вписать историю России в общемировой исторический контекст.

Как известно, в теории Маркса вся история докапиталистических формаций предстает как процесс разложения родовой, общинной, собственности и высвобождения из нее «чистой» частной собственности, или капитала. Развитие же самого капитализма начинается с первоначального накопления капитала, чаще всего в форме торгового капитала, после чего следуют стадии мануфактурного и машинного производства, на основе которого развиваются промышленный и, позднее, финансовый капитал. Этой дорогой, в разное время и с разной скоростью, прошли все цивилизованные народы и страны. Россия в том числе. Поэтому на основе этих и только этих, марксизмом давно установленных и историей многих стран подтвержденных закономерностей всемирно-исторического процесса, являющихся его «осью», можно и нужно увязывать судьбу России с судьбой других стран.

С этой точки зрения реформы Петра I дали толчок первоначальному развитию капитала в России, после чего в Российской империи, где до 1861 года сохранялось крепостное право, появились мануфактура, а за-

тем промышленность. Отмена крепостничества полностью не решила «аграрный вопрос», к которому с развитием капиталистических отношений добавился «рабочий вопрос». Политическая палитра страны, где к буржуазно-либеральному движению и мелкобуржуазному народничеству добавилось социалистическое движение, стала сложнее, а отношения самодержавной власти и «народа» — взрывоопасными.

В 1917 году временно был прерван «естественный» (эволюционный) ход исторического развития в России; хотя то, что стало нарушением этого хода для истории отдельной страны, было вполне закономерным для всемирной истории человечества. Обострившиеся противоречия между трудом и капиталом буржуазных стран в условиях Первой мировой войны превратили Россию в самое слабое звено империалистических государств и вытолкнули ее в авангард международного социалистического движения, после чего страна, решая во многом задачи буржуазного движения (индустриализация, образование и культура), более 70 лет прожила под идеологическими знаменами социализма и коммунизма.

На рубеже 1980—1990-х годов в России, где, как и во всем СССР, существовали два основных социально-экономических уклада — мелкобуржуазный и господствовавший над ним бюрократический госкапитализм, произошла реставрация частнокапиталистических отношений. Совершив под знаменами социализма и коммунизма исторический зигзаг и внося, благодаря этому, значительную лепту в общий ход мировой истории, от победы над фашистским германским империализмом до крушения колониальной системы мирового капитализма, постсоветская Россия вернулась в обремененный внутренними противоречиями, кризисами и конфликтами мир буржуазной цивилизации.

На эту «ось» всемирной истории и особенности прохождения по этому пути России в концепции нет и намек. Там даже нет слов ни о реставрации капитализма, ни о том, что нынешняя Россия — капиталистическое общество. Лишь однажды в ней встречается выражение «олигархический капитализм» — словно другого капитализма у нас нет. О том, что у нас, наряду с «олигархическим» и иным капитализмом, растет и укрепляется в виде крупных акционерных госкомпаний «чистый», освобожденный от социалистической фразеологии и разбавленный частными акционерами госкапитализм, не говорится ничего.

Сегодня не только сами российские собственники капиталов называют себя «капиталистами», не только некоторые экономисты изучают экономику страны как капиталистическую, но даже высшее руководство страны, много лет избегавшее слов «капитализм» и «буржуазия», вынужденно говорить об акционерном и ином капитале. Но похоже, российские школьники все это узнают из других источников, например от теряющих работу родителей или из передачи С. Лисовского «Капитал» на телеканале РБК — но только не из новых учебников по истории своей страны, где говорится о «коммерческом секторе», «рыночной экономике», «частном предпринимательстве», но только не о капитализме.

Конечно, разработчикам единой концепции истории России и «навигатора» для авторов новых учебников, а заодно этим авторам и школьным учителям, можно посочувствовать. Не вина, а беда их, что официальное обществоведение, включая знание истории, является предметом политического интереса со стороны государственной власти, всегда ждущей от казенной науки оправдания своей политики.

Но авторам новых учебников и школьным учителям значительно труднее, чем разработчикам концепции и «историко-культурного стандарта», поскольку им не только сегодня, но и в будущем придется считаться с любым, кстати и некстати озвученным мнением основного госзаказчика. Как, например, тем и другим освещать сегодня в новых учебниках и преподавать ученикам советскую историю России, если накануне 97-й годовщины Октябрьской революции на встрече с молодыми историками президент страны заявил: «Они (большевики) выступали за прекращение войны, правда, они «надули» общество. Вы сами знаете: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, народу — мира. Мира не дали, началась Гражданская война, фабрики и землю отобрали. Так что надувательство полное»¹⁵.

Из этой ситуации два пути: или, вопреки историческим фактам, согласиться с мнением главы государства; или, храня верность научной истине, начать его опровергать и объяснять, что землю и фабрики отобрали не у крестьян и рабочих, а у помещиков и капиталистов. Объяснять, что мира большевики обещали взамен участия России в империалистической, никому не нужной войне и это обещание выполнили; а Гражданская война, как и интервенция стран Антанты, от их желания и воли не зависели.

Конечно, ждать от новых, следующих изобретенному «стандарту» учебников подлинной, освещенной научной истиной исторической правды не приходится, и об этом вправе знать российское общество. Как оно вправе знать и о хроническом гносеологическом кризисе всего официального обществознания, представители которого вынуждены разделять и защищать мысли экономически и политически господствующего в современной России либерально-буржуазного класса. ◆

¹⁵ См. lenta.ru/news/2014/11/05/bolsheviki